

Теоретические основания психологии возможного

В. В. Знаков

Институт психологии Российской академии наук,
Российская Федерация, 129366, Москва, ул. Ярославская, 13

Для цитирования: *Знаков В. В.* Теоретические основания психологии возможного // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2022. Т. 12. Вып. 2. С. 122–131.
<https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.202>

Анализируется область науки, изучающая весь спектр явлений психологии возможного. В статье поставлен вопрос о том, почему именно сегодня заговорили о новой области психологии — психологии возможного. Отмечается, что новизна работы заключается в новом фокусе ученых — акценте на возможном как на неожиданном, невероятном, неправдоподобном. В психологии возможного на одном полюсе понимания психологов находится адаптивное возможное, основанное на прошлом опыте, на противоположном — возможное как преадаптивный феномен (понимание событий, причинно не связанных с онтогенезом субъекта). Связующим звеном между этими полюсами является представление об искомом в мышлении человека, прогнозировании изначально неизвестного при решении задачи. При психологическом анализе личности на левом полюсе континуума «сознательное — бессознательное» оказываются осознаваемые субъектом и потому исчислимые альтернативные возможные Я, на правом — личность как экзистенциальная тайна. Подробно проанализированы теоретико-методологические основания психологии возможного — философия возможного М. Н. Эпштейна, историко-эволюционная концепция преадаптации к неопределенности А. Г. Асмолова с коллегами, научные представления о неопределенности мира человека. Раскрыто и обосновано понятие возможностного мышления, которое анализирует разные варианты и альтернативы возможного. В конце статьи анализируются три большие группы феноменов психологии возможного: традиционно изучаемые в психологии феномены, относящиеся к возможному (аффордансы, антиципация и др.), феномены искомого и понимание возможного как преадаптивного феномена, характеризующего нестабильные ситуации, возникновение которых нельзя предсказать.

Ключевые слова: возможное, прогнозирование, искомое, возникающее, невозможное, немислимое.

Введение

В отечественной психологии исследования возможного интересны и разнообразны. Например, категория возможного представлена в понятии «аффорданс». Большое число исследований направлено на психологический анализ предвосхищения и прогнозирования. А. В. Брушлинский изучал эти феномены применительно к мыслительной деятельности. Л. И. Анцыферова, анализируя трудные жизненные ситуации, рассматривала прием «антиципирующего совладания» и описывала феномен возможного будущего. Е. А. Сергиенко подчеркивает, что при изучении модели психического большую роль играют вторичные репрезентации, которые

«позволяют нам думать о прошлом, возможном будущем и даже несуществующем, но, главное, строить причинные гипотезы» (Сергиенко и др., 2020, с. 17).

О. К. Тихомиров в рамках разработанной им и развиваемой его учениками теории смысловой регуляции мышления анализировал феномен эмоционального предвосхищения. Сегодня одна из его учениц, Т. В. Корнилова, рассматривает мышление как процесс движения к возможному, тому, что пока еще не мыслилось, не приходило в голову субъекту познания. Без этого изучение мышления оказывается неполным и поверхностным. Следовательно, главная идея заключается в направленности на исследование сопричастности человека возможному.

Таким образом, исследования предвосхищения, прогнозирования, антиципации в психологии интересны и разнообразны. Однако следует заметить, что в подавляющем большинстве из них изучаются процессы, происходящие внутри конкретной ситуации, деятельности: при решении задачи возможное открывается мыслящему субъекту в виде новых, ранее скрытых от его внимания сторон объекта.

Цель статьи — кратко проанализировать теоретико-методологические основания психологических исследований возможного.

Психологические исследования возможного

Психология возможного появилась тогда, когда весь мир стал рассматриваться учеными как океан возможностей. Соответственно, основная задача психологии возможного отличается от целей исследования прогнозирования: не поиск проявлений этого феномена в конкретной деятельности, а анализ новых возможных задач, которые ранее не были известны ученым.

В психологии возможного значительное место занимают исследования субъекта и личности. основополагающей работой, в которой категория возможного была включена в научный арсенал психологии личности, стала статья Х. Маркус (H. Markus) и П. Нуриус (P. Nurius). В ней возможное используется для объяснения влияния на образ Я потенциальных представлений о себе (Markus, Nurius, 1986).

В психологии личности категория возможного применима ко всему спектру интерпретации — от четко осознаваемого субъектом понимания-знания своего внутреннего мира до бессознательного понимания-постижения, с трудом поддающегося вербализации и осмыслению. Выражаясь метафорически, можно сказать, что при психологическом анализе личности на левом полюсе континуума «сознательное — бессознательное» оказываются осознаваемые субъектом и потому исчисляемые альтернативные возможные Я, на правом — личность как экзистенциальная тайна. Между ними находится личностный кризис, который Ф. Е. Василюк характеризовал как невозможность осмысления трудной жизненной ситуации.

В российской психологической науке, опираясь на идеи Х. Маркус о возможных Я и философию возможного М. Н. Эпштейна, психологию возможного как целостное направление психологических исследований личности впервые описал Д. А. Леонтьев. Развивая мысль Эпштейна на материале психологии личности, он отмечает, что существует целый ряд психологических феноменов, относящихся к области возможного, но не порождаемых причинно-следственными закономерностями. Такие феномены не необходимы, но и не случайны, они недетерминиро-

ванные, возможные. Усилия Леонтьева по развитию антропологической модели, уже включающей контуры психологии возможного, безусловно, следует признать весьма продуктивными и интересными (Леонтьев, 2011).

В современной психологии одним из важнейших является вопрос о соотношении прошлого, настоящего и будущего в жизни человека. Что более значимо для поведения: прошлый опыт, знания, умения, навыки, полученные в онтогенезе воспитания и обучения, или природные задатки, генетические основания развития психики? Б. М. Теплов применительно к способностям развивал идеи о ключевой роли задатков, в то время как П. Я. Гальперин считал, что правильное обучение — это залог творческого развития безграничных возможностей советского человека. Постепенно эта проблема трансформировалась в задачу определения соотношения прошлого и будущего, влияния полученных человеком ранее знаний на прогнозирование возможных вариантов его поведения.

Сегодня в психологии возможное представлено во всем временном диапазоне — в прошлом, настоящем и будущем. Возможное как антиципация, прогнозирование при решении мыслительной задачи, аффордансы в экологической психологии — все это уже традиционные проблемы психологической науки. Почему же только сегодня психологи заговорили о возникновении психологии возможного как целостной и относительно самостоятельной научной области? Потому что ее новизна заключается в изменении направленности внимания ученых — акценте на возможном как неожиданном, невероятном, неправдоподобном. Неудивительно, что такое возможное сначала воспринимается понимающим субъектом как невозможное и немислимое.

В психологии возможного на одном полюсе внимания психологов находится адаптивное возможное, основанное на прошлом опыте. На противоположном — возможное как преадаптивный феномен, понимание событий, ситуаций, причинно не связанных с онтогенезом субъекта; знание о них нередко полностью противоречит его опыту.

Связующим звеном, своеобразным мостом между указанными полюсами в психологии возможного является фундаментальное научное положение об искомом в мышлении человека — прогнозировании изначально неизвестного при решении задачи. А. В. Брушлинский писал: «Мышление, выступающее как открытие новых знаний, вместе с тем всегда включает и использование уже имеющихся знаний. Процесс мышления есть одновременно и движение знания в нем (хотя, конечно, знание и мышление — не одно и то же). Поэтому и любое предвосхищение еще неизвестного, искомого решения возникает не просто как функция прошлого знания, прошлого опыта, а только в ходе актуального мыслительного процесса решения именно данной, конкретной задачи. Сам по себе прошлый опыт необходим, но недостаточен, чтобы детерминировать поиски неизвестного» (Брушлинский, 2006, с. 359).

Искомое связывает известное из прошлого опыта и прогнозируемое неизвестное. Решая мыслительную задачу, субъект устремлен в возможное будущее: он ищет неизвестное, которого пока еще не знает, потому что оно для него из-за своей неопределенности не существует, но он надеется его открыть в будущем — на последующих стадиях мыслительного процесса. Анализ неизвестного как связующего звена между адаптивным и преадаптивным возможным показывает, что, с од-

ной стороны, оно связано с предыдущей мыслительной деятельностью субъекта, возникает на ее основе; с другой стороны, искомое как возможное будущее отличается неизвестностью, неопределенностью, изначальной нечеткостью.

Еще одним мостом между двумя типами возможного, между прошлым и будущим, в психологии личности является феномен возникающего (Костромина, 2021), который анализируют Н. В. Гришина и С. Н. Костромина. Возникающее как новообразование личности неразрывно связано с прошлым, но устремлено в еще не ставшее, не сформировавшееся будущее. Возникающее — это уже не прошлая личность, но еще не будущая. Исследование возникающего становится актуальным при переосмыслении процессуального подхода, анализом и интерпретацией которого много лет занимался А. В. Брушлинский. Сегодня «фокус исследования в процессуальном подходе смещается на потенциально возможное, а объектом исследования выступает не существующее, а возникающее» (Костромина, 2021, с. 8). Это позволяет ученым увидеть возникающее в личности в потоке изменений в новых обстоятельствах. «Возникающее фактически служит объединяющим элементом проблематики психологии возможного и психологии изменений. Изменения могут происходить только в сфере возможного, а возможное потенциально содержит в себе изменения и через них переходит в действительность. Момент соединения возможного с готовностью/способностью личности к изменениям порождает возникающее. Таким образом, исследование возникающего в психологии личности определяется его пониманием как результата изменений в пространстве возможного» (Костромина, Гришина, 2021, с. 21).

Теоретические основания психологии возможного

Философия возможного. С теоретико-методологической точки зрения одним из главных оснований этого направления психологической науки является философия возможного М. Н. Эпштейна. В его публикациях осуществлен глубокий философский анализ категории «возможное». Он развивает новый взгляд на соотношение реального и возможного: реальность (в частности, историческая) — это не одна реализованная возможность развития событий, а многие потенциально в ней содержащиеся, несовпадающие и не исключающие друг друга возможности (психологу сразу приходит на ум аналогия из исследований мышления в рубинштейновской школе: на каждом шаге мыслительного поиска субъект «вычерпывает» из взаимодействия с объектом все новые стороны, свойства последнего). С точки зрения Эпштейна, даже истину надо рассматривать не только как отражение того, что есть, но и как предвосхищение того, что может быть и чего быть не может (Эпштейн, 2001).

Историко-эволюционная концепция преадаптации к неопределенности. А. Г. Асмолов с коллегами на основе теории открытых неравновесных систем, принципов возникновения порядка из хаоса И. Р. Пригожина анализирует сдвиг установки познания от анализа адаптивных моделей эволюции к преадаптивным (Асмолов и др., 2018). Преадаптации (предварительные адаптации) — это свойства живых организмов, отражающие их способность приспосабливаться к пока еще не осуществленным, а только возможным формам взаимодействия со средой. Ключевой точкой анализа является вопрос о том, «можно ли рассматривать преадаптацию

в качестве конструктивного фактора, позволяющего эволюционирующей системе при встрече с неопределенностью осуществлять переход от “режима трендов” (предвосхищения изменений на основе прошлого опыта) — к инновационному “режиму конструирования иных миров”?» (Асмолов и др., 2018, с. 81) Адаптации рассматриваются как стабилизаторы деятельности живых систем, их направленности на соблюдение требований уже сложившейся среды, поддержание стабильности в пределах некоторой устоявшейся нормы. Преадаптации потенциально могут использоваться только в будущем. При новых, отличающихся от нынешних, условиях существования они появляются раньше, чем в них возникнет необходимость. Неопределенность задач, перед которыми объективно поставлена любая живая система, является сущностным свойством мира. Вследствие этого решение таких задач оказывается условием развития системы. Система изменяется при «сбоях» адаптивных специализаций, уже утвердившихся на основе прошлого опыта, а также посредством реорганизации при участии преадаптаций, нацеленных на непредсказуемое будущее. «Из сказанного следует, что адаптация связана с постепенной трансформацией того, что уже есть; преадаптация же относится к скачкообразной качественной реорганизации системы, освобождающейся от “диктатуры прошлого опыта”» (Асмолов и др., 2018, с. 88).

Фактически это означает, что эволюция происходит в двух режимах — режиме трендов (реконструкции возможного) и режиме новаций (конструкции невозможного). Процессы адаптации в режиме трендов направлены на удержание существенных переменных системы в заданных пределах. В биологии это гомеостаз, в социальных науках — обычаи, ритуалы, традиции, установки, регламентирующие фиксированное адаптивное поведение людей. «Все перечисленные явления объединяет следующее: *построение образа будущего опирается на вероятность повторения прошлого опыта и логику развития предшествующих событий.* Именно такая вероятностная оценка перспективы характеризует адаптирующуюся систему, поскольку, прогнозируя будущее, она всегда отталкивается от уже обретенного и апробированного “багажа” знаний, навыков и компетенций» (Асмолов и др., 2018, с. 90). В режиме новаций условием конструирования вне-возможного, преадаптивным ответом живой системы на неопределенность будущих вызовов является избыток разнообразия. Именно он позволяет живой системе успешно функционировать в режиме ожидания того, чего не было в ее прошлом опыте.

Принцип необходимого разнообразия. Согласно этому принципу, эволюционный прогресс развития любой биологической или социальной системы зависит от того, в какой степени отношения между объектами на одном уровне могут репрезентироваться на объектах другого уровня. Повышение разнообразия признаков и рост вариативности — один из важнейших критериев эволюционного прогресса. В частности, в культуре принципиальное значение для прогресса имеют сохранение своеобразия разных цивилизаций, культурно-языковое многообразие и плюрализм традиций: «Через многообразие жизненных форм человеку презентуется содержательное богатство сфер возможного и невозможного» (Иванченко, 1999, с. 30). В этом контексте кажется вполне естественным, что «в культурологии был сформулирован информационный критерий развития, связывающий прогресс культуры с увеличением внутреннего разнообразия системы. В соответствии с этим критерием в целом увеличение разнообразия свидетельствует о здоровье

культуры» (Иванченко, 1999, с. 46). Принципу необходимого разнообразия противоречат представления о монолитности культур, потому что «каждое общество, каждая цивилизация состоит из гетерогенных начал — это составляет источник их динамики. Внутреннее разнообразие, связанное с отдаленным скрещиванием, становится залогом повышенной жизнестойкости и адаптивности — способности приспосабливаться к изменениям среды. Понятно поэтому, сколь плохую услугу культуре и социуму оказывают ревнители чистоты — классовой, расовой, этнической или конфессиональной» (Панарин, 1998, с. 126–127). Ментальность культур напрямую зависит от многообразия существующих в них взаимодополняющих признаков, порождающих разные возможности развития культурных сообществ: «При обсуждении роли разных типов ментальности в литературе выделяют объяснительный принцип комплементарности — взаимодополнительности, который утверждает необходимость существования многообразия» (Апанович, Александров, 2021, с. 29).

Более обобщенными и фундаментальными являются представления об избыточном многообразии в мозговых структурах и культуре, на основе которых формируются разные варианты возможного. При этом универсальной является комплементарность, проявляющаяся в научных исследованиях мозговых систем, культурно обусловленной ментальности и межкультурной вариативности. Комплементарность является значимой на всех уровнях взаимодействия субъекта с объектом.

При изучении мозгового обеспечения умственной деятельности согласно системной психофизиологии (Александров, 2009) в качестве основной детерминанты поведения и деятельности рассматриваются не прошлые события, а возможное будущее — сознательно или неосознанно планируемый результат. Нейронная активность организована достижением результата — того, которого еще нет, но который возможен в будущем (здесь нельзя не увидеть явной аналогии с феноменом искомого из психологии мышления). Нейроны в мозгу человека специализированы, и в процессе выполнения разных видов деятельности происходит накопление новых специализированных нейронных паттернов. Нейроны специализируются относительно систем деятельности (в частности, профессиональной), они культуроспецифичны: анализируя когнитивные процессы в связи с мозгом, нельзя отрывать их от культуры. «“Культурная специализация” индивидов может быть рассмотрена как формирование такой структуры субъективного опыта в данной культуре, которая комплементарна структурам других индивидов. Культурная комплементарность означает, что генетические предрасположения и “культурные специализации” индивидов согласованы и взаимодополнительны внутри данного сообщества» (Александров, Александрова, 2010, с. 305). Чем больше дополняющих друг друга паттернов нейронной организации мозга разных людей, тем содержательно богаче культура, в которой они живут. Комплементарность нейронов, имеющих одну и ту же специализацию, проявляется в таком их разнообразии и совместной активности, которые обеспечивают достижение полезного результата.

Научные представления о неопределенности мира человека. Сегодня у психологов ссылки на исследования И. Р. Пригожина, Н. Талеба и других стали интеллектуальной модой, своего рода хорошим тоном, однако в большинстве случаев упоминания о них грешат чрезмерной генерализацией, обобщением на все ситуа-

ции человеческого бытия. Следует ясно понимать, что в мире человека по-прежнему существуют ситуации, при описании которых возможное развитие событий нужно основывать на прошлом знании, на классическом причинном детерминизме. Например, одинаковые выводы о запасе прочности моста через реку сделают все специалисты, обладающие инженерными знаниями. Возможные верные выводы здесь единичны, в то время как неверных — бесконечное множество.

Совсем иную, почти непричинную природу имеют события и явления в экзистенциальной реальности. И даже если причинные основания есть, они остаются неведомыми для понимающего субъекта. Прогнозы о том, кто из родившихся сегодня младенцев станет великим артистом или ученым, у кого из них в зрелом возрасте возникнет онкологическое заболевание, действительно имеют неопределенный стохастический характер. Это происходит потому, что влияние множества генетических и средовых факторов на психическое и биологическое развитие для нас является случайным, принципиально непостижимым. Трудности понимания связаны с редкостью, малой вероятностью, неожиданностью происходящего в экзистенциальной реальности мира человека. В этих случаях будущее практически нельзя понять, основываясь только на прошлых знаниях, нужно применять возможностное мышление, которое анализирует разные варианты возможного и фактически ищет альтернативы самому себе.

В современной науке традиционные рассуждения мыслителей и ученых о соотношении возможного и действительного привели к возникновению представлений о возможностном мышлении. В частности, один из самых значимых результатов научных дискуссий о переосмыслении содержания эмпирической реальности в квантовой физике, биологии и других областях естествознания заключается в том, что «все большее значение приобретает модальное, возможностное мышление, которое противостоит анти-реализму и выводит на арену “сверхреализм”, требующий реализации в актуальность всего того, что мыслится как возможное. В итоге знаменитое декартово высказывание о существовании принимает следующий вид: “Существовать — значит мыслить возможное” (*Esse ergo cogitare possibilia*)» (Карпенко, 2015, с. 36). Это означает, что модальное возможностное мышление направлено на действительность, открываемую познающим мир субъектом в виде многообразия возможностей.

Возможностное мышление направлено на оспаривание познающим субъектом своих же мыслей о понимаемом предмете, превращение знания о нем в конструктивное незнание. М. Фуко и теоретически, и практически анализировал феномен возможностного мышления, отвечая на вопрос: «До какого предела можно мыслить иначе, чем мыслим мы?» Он писал: «Но что же представляет собой сегодня философия — я хочу сказать, философская деятельность, — если она не является критической работой мысли над самой собой? Если она не есть попытка узнать на опыте, как и до какого предела возможно мыслить иначе, вместо того чтобы заниматься легитимацией того, что мы уже знаем? В философском дискурсе всегда есть нечто смехотворное, когда он хочет извне навязывать непреложные законы другим, указывать другим, где находится их истина и как ее обрести, или самодовольно берется рассудить все их дела в наивной позитивности; но исследовать, что в его собственном мышлении может быть изменено благодаря упражнению, в которое он превращает чужое для него знание — здесь философский дискурс в своем пра-

ве» (Фуко, 2004, с. 14–15). «Мыслить иначе» значит критически переосмысливать свою интеллектуальную позицию, приобретая знания о скрытом и неизведанном как о подлинном.

Позднее М. Н. Эпштейн высказал сходную точку зрения. Он писал: «Однако для меня высшую интеллектуальную ценность имеют не самоочевидные, а наименее очевидные, “странные” утверждения и вообще категория “странного” (ее можно связать с “остранением” В. Шкловского и тезисом Аристотеля, что философия рождается из удивления). Ее можно определить как “наименее вероятное суждение”. Для меня важно писать, думать и говорить вещи, которые кажутся наименее вероятными, и при этом как можно более строго их обосновывать. Выявлять логику их “странности”. Делать очевидным далеко не очевидное» (Homo scriptor, 2020, с. 565).

Заключение

Реализация четырех описанных теоретико-методологических положений последовательно развивается в психологии возможного. Современная психология возможного описывает две большие группы феноменов. Первая состоит из того, что традиционно изучалось в нашей науке. Это аффордансы, прогнозирование, антиципация, антиципационная несостоятельность и другие феномены, основанные на прошлом знании и способствующие поддержанию психической системы в устойчивом состоянии. Связующими звеньями между первой и второй областями являются искомое и возникающее. При исследовании второй группы феноменов психологи должны уделять основное внимание противоположному полюсу анализируемой области психологической науки — пониманию возможного как преадаптивного феномена, характеризующего нестабильные ситуации, возникновение которых нельзя предсказать. Нужно анализировать случаи, в которых возможное реализуется в невозможном, немыслимом и вне-возможном.

Литература

- Александров Ю. И. От теории функциональных систем к системной психофизиологии // Психология сегодня: теория, образование, практика. М.: Ин-т психологии РАН, 2009. С. 13–56.
- Александров Ю. И., Александрова Н. Л. Комплементарность культур // От события к бытию: грани творчества Галины Иванченко / сост. М. А. Козлова. М.: Издательский дом ВШЭ, 2010. С. 298–335.
- Апанович В. В., Александров Ю. И. Системное значение меж- и внутрикультурных ментальных вариаций // Вестник психофизиологии. 2021. № 1. С. 24–35.
- Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М.: Акрополь, 2018.
- Брушлинский А. В. Избранные психологические труды. М.: Ин-т психологии РАН, 2006.
- Иванченко Г. В. Принцип необходимого разнообразия в культуре и в искусстве. Таганрог: ТРТУ, 1999.
- Карпенко А. С. В поисках реальности: Исчезновение // Философия науки. 2015. Вып. 20. С. 36–72.
- Костромина С. Н. Классический «парадокс личности»: есть ли теоретические и методологические основания для решения? // Новые психологические исследования. 2021. № 2. С. 7–30.
- Костромина С. Н., Гришина Н. В. Возникающее как предмет исследования в психологии личности // Вопросы психологии. 2021. № 4. С. 21–37.
- Леонтьев Д. А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 3–27.
- Панарин А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Логос, 1998.

- Сергиенко Е. А., Уланова А. Ю., Лебедева Е. И. Модель психического: Структура и динамика. М.: Ин-т психологии РАН, 2020.
- Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2. СПб.: Академический проект, 2004.
- Эпштейн М. Н. Философия возможного. Модальности в мышлении и культуре. СПб.: Алетейя, 2001.
- Homo scriptor: Сборник статей и материалов в честь 70-летия М. Эпштейна / под ред. М. Липовецкого. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
- Markus H., Nurius P. Possible selves // *American Psychologist*. 1986. Vol. 41, no. 9. P. 954–969.

Статья поступила в редакцию 2 февраля 2022 г.;
рекомендована к печати 17 марта 2022 г.

Контактная информация:

Знаков Виктор Владимирович — д-р психол. наук, глав. науч. сотр.; znakov50@yandex.ru

Theoretical foundations of the psychology of the possible

V. V. Znakov

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences,
13, ul. Yaroslavskaya, Moscow, 129366, Russian Federation

For citation: Znakov V. V. Theoretical foundations of the psychology of the possible. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2022, vol. 12, issue 2, pp. 122–131.
<https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.202> (In Russian)

This article analyzes the field of science that studies the entire spectrum of phenomena in the psychology of the possible. Why only today did we start talking about a new field of psychology, the psychology of the possible? Its novelty lies in the new emphasis on the possible as unexpected, incredible, and improbable. In the psychology of the possible, at one pole of the understanding of psychologists is the adaptive possible, based on past experience, and on the opposite is the possible as a pre-adaptive phenomenon (understanding of events that are not causally related to the ontogenesis of the subject). The connecting link between these poles is the idea of the sought-for in human thinking, the prediction of the initially unknown when solving the problem. In the psychological analysis of personality, on the left pole of the “conscious — unconscious” continuum, there are alternative possible selves conscious of the subject and therefore enumerable, on the right — personality as an existential mystery. The theoretical and methodological foundations of the psychology of the possible were analyzed in detail — the philosophy of the possible M. N. Epstein, the historical and evolutionary concept of pre-adaptation to uncertainty by A. G. Asmolov with colleagues, scientific ideas about the uncertainty of the human world. The concept of possible thinking, which analyzes different options and alternatives of the possible, is disclosed and substantiated in detail. At the end of the report three large groups of phenomena in the psychology of the possible are analyzed: the phenomena traditionally studied in psychology that relate to the possible (affordances, anticipation, and others), the phenomena of the sought-for, and the understanding of the possible as a pre-adaptive phenomenon that characterizes unstable situations, the occurrence of which cannot be predicted.

Keywords: possible, forecasting, desired, emerging, impossible, unthinkable.

References

- Aleksandrov, Yu. I. (2009). From the theory of functional systems to systemic psychophysiology. In: *Modern psychology: theory, education, practice* (pp. 13–56). Moscow, Institute of Psychology RAS Press. (In Russian)

- Aleksandrov, Yu. I., Aleksandrova, N. L. (2010). Complementarity of cultures. In: *From event to existence: Galina Ivanchenko's lines of creativity*, comp. by M. A. Kozlova (pp. 298–335). Moscow, Higher School of Economics Press. (In Russian)
- Apanovich, V. V., Aleksandrov, Yu. I. (2021). The systemic significance of inter- and intracultural mental variations. *Vestnik psikhofiziologii*, 1, 24–35. (In Russian)
- Asmolov, A. G., Shekhter, E. D., Chernorizov, A. M. (2018). *Pre-adaptation to uncertainty: unpredictable routes of evolution*. Moscow, Akropol' Publ. (In Russian)
- Brushlinskiy, A. V. (2006). *Selected psychological works*. Moscow, Institute of Psychology RAS Press. (In Russian)
- Epshtein, M. N. *Philosophy of Possible. Modality in Thinking and Culture*. St Petersburg: Aleteiia Publ. (In Russian)
- Foucault, M. (2004). *The use of pleasure. The history of sexuality*. Vol. 2. St Petersburg, Akademicheskii proekt Publ. (In Russian)
- Homo scriptor: Collection of articles and materials in honor of the 70th anniversary of M. Epstein* (2020), ed. by M. Lipovetsky. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)
- Ivanchenko, G. V. (1999). *The principle of necessary diversity in culture and art*. Taganrog, TRTGU Publ. (In Russian)
- Karpenko, A. S. (2015). In Search of Reality: Disappearance. *Filosofia nauki*, 20, 36–72. (In Russian)
- Kostromina, S. N. (2021). The classic “personality paradox”: are there theoretical and methodological grounds for a solution? *Novye psikhologicheskie issledovaniia*, 2, 7–30. (In Russian)
- Kostromina, S. N., Grishina, N. V. (2021). Arising as a subject of research in personality psychology. *Voprosy psikhologii*, 4, 21–37. (In Russian)
- Leontiev, D. A. (2011). New guidelines for understanding personality in psychology: from the necessary to the possible. *Voprosy psikhologii*, 1, 3–27. (In Russian)
- Markus, H., Nurius, P. (1986). Possible selves. *American Psychologist*, 41, 9, 954–969.
- Panarin, A. S. (1998). *History's revenge: Russian strategic initiative in the 21st century*. Moscow, Logos Publ. (In Russian)
- Sergienko, E. A., Ulanova, A. Yu., Lebedeva, E. I. (2020). *Model of the mental: Structure and dynamics*. Moscow, Institute of Psychology RAS Press. (In Russian)

Received: February 2, 2022

Accepted: March 17, 2022

Author's information:

Viktor V. Znakov — Dr. Sci. in Psychology, Senior Researcher; znakov50@yandex.ru